

18+

Книги на английском языке

Под редакцией Ричарда Гранта

Холмс и Ватсон

Артур Конан Дойл

**Пересказ на английском языке
с параллельным переводом**

Ричард Грант

**Холмс и Ватсон. Артур
Конан Дойл. Пересказ
на английском языке
с параллельным переводом**

«Издательские решения»

Грант Р.

Холмс и Ватсон. Артур Конан Дойл. Пересказ на английском языке с параллельным переводом / Р. Грант — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-689037-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Классические детективы Артура Конан Дойла в новом формате для изучающих английский! В сборник вошли четыре легендарные истории: «Скандал в Богемии», «Серебряная подкова», «Тайна голубого карбункла» и «Последнее дело Холмса». Каждое произведение представлено в виде увлекательного художественного пересказа на английском языке уровня В2 с живым параллельным переводом на русский. Идеально для чтения в оригинале без словаря, погружения в викторианскую эпоху и удовольствия от лучших детективов.

ISBN 978-5-00-689037-4

© Грант Р.
© Издательские решения

Содержание

Скандал в Богемии	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Холмс и Ватсон. Артур Конан Дойл Пересказ на английском языке с параллельным переводом

Редактор Ричард Грант

ISBN 978-5-0068-9037-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Скандал в Богемии

To Sherlock Holmes she was always the woman.

Для Шерлока Холмса она навсегда осталась той самой женщиной.

In his cool, precise mind he rarely allowed emotion to cloud his judgment, yet when he spoke of Irene Adler it was with a certain warmth, almost reverence.

В его холодном, точном уме чувства редко затмевали рассудок, но об Ирэн Адлер он говорил с какой-то особой теплотой, почти благоговением.

He called her the woman, and under that simple title she held a place no queen or criminal could rival.

Он называл её просто «женщиной», и под этим скромным титулом она занимала место, недоступное ни одной королеве или преступнице.

It began on a stormy March evening in 1888.

Всё началось в бурный мартовский вечер 1888 года.

The wind howled down Baker Street like a living thing, rattling the windows of 221B.

Ветер завывал на Бейкер-стрит, будто живое существо, сотрясая окна дома 221Б.

A sudden ring at the bell announced a visitor who could only be royal, for even through the thick oak door one sensed power and urgency.

Внезапный звонок возвестил о посетителе, который мог быть только королевских кровей: даже сквозь толстую дубовую дверь чувствовались власть и нетерпение.

The man who swept in wore a dark mask across his face, but his height, his bearing, and the faint scent of Bohemian cigars betrayed him at once.

Ворвавшийся мужчина скрывал лицо тёмной маской, но рост, осанка и лёгкий аромат богемных сигар выдали его мгновенно.

When he threw off the disguise, there stood the hereditary King of Bohemia himself, tall, broad-shouldered, with the restless eyes of a man hunted by his own past.

Сорвав маску, он предстал наследным королём Богемии – высоким, широкоплечим, с беспокойными глазами человека, которого преследует собственное прошлое.

He came, he said, to beg Sherlock Holmes to save him from ruin.

Он пришёл, сказал он, умолять Шерлока Холмса спасти его от гибели.

Five years earlier, in Warsaw, he had allowed himself a grand, reckless passion with the celebrated adventuress and opera singer Irene Adler.

Пять лет назад в Варшаве он позволил себе пылкую, безрассудную страсть к знаменитой авантюристке и оперной певице Ирэн Адлер.

She was, even then, the most exquisite creature he had ever seen: dark, graceful, with a face that launched a thousand foolish dreams.

Она была тогда самым восхитительным созданием из всех, что он видел: тёмноволосая, грациозная, с лицом, способным породить тысячи безумных грёз.

Their affair had burned bright and brief.

Их роман вспыхнул ярко и быстро угас.

Now he was engaged to a young Scandinavian princess of strict Lutheran upbringing, and Irene Adler, still in possession of certain letters and, worse, a photograph showing them together in intimate happiness, threatened to send it to the princess's family on the very morning the engagement was to be announced.

Теперь он был обручён с юной скандинавской принцессой строгих лютеранских правил, а Ирэн Адлер, всё ещё хранящая кое-какие письма и, что хуже, фотографию, на которой они запечатлены в минуты интимного счастья, грозила отправить снимок семье принцессы в утро официального объявления помолвки.

Holmes listened without expression, his long nervous fingers drumming softly on the arm of his chair.

Холмс слушал без всякого выражения, длинные нервные пальцы тихо барабанили по подлокотнику кресла.

The King offered ten thousand pounds, a kingdom's ransom, if only the photograph could be recovered.

Король предлагал десять тысяч фунтов – выкуп за целое королевство, – лишь бы фотографию вернули.

Holmes merely asked for details: where she lived, her habits, her friends.

Холмс попросил подробностей: где она живёт, её привычки, её знакомые.

The King spoke of her house in Briony Lodge, St John's Wood, a quiet villa set back from the road; of her daily ride in the park; of her friendship with a certain English lawyer named Godfrey Norton; and, above all, of her proud, fearless spirit that would never yield to threats.

Король рассказал о её доме – Брайони-Лодж в Сент-Джонс-Вуде, тихой вилле в глубине сада; о ежедневных прогулках верхом в парке; о дружбе с неким английским адвокатом Годфри Нортоном; и главное – о её гордой, бесстрашной душе, которая никогда не поддастся угрозам.

The next morning found Holmes and myself in the most extraordinary disguises.

Наутро мы с Холмсом предстали в самых необыкновенных маскарадных костюмах.

I, a simple loafer in an old tweed suit; Holmes, an unshaven groom with a touch of drink in his eye and a red scarf knotted loosely at his throat.

Я – простой бездельник в старом твидовом костюме; Холмс – неопрятный конюх с налётом хмеля в глазах и красным платком, небрежно повязанным на шее.

We lounged across the road from Briony Lodge, watching the comings and goings of a quiet suburban street.

Мы слонялись по другую сторону улицы напротив Брайони-Лодж, наблюдая за жизнью тихой пригородной улочки.

Suddenly a cab dashed up, and out sprang Godfrey Norton, wild-eyed and urgent.

Вдруг подлетел кэб, из него выскочил Годфри Нортон – глаза безумные, движения торопливые.

He rushed into the house, emerged minutes later with Irene on his arm, and they drove away at breakneck speed toward St Monica's Church in the Edgware Road.

Он ворвался в дом, через несколько минут вышел, ведя под руку Ирэн, и они умчались с бешеной скоростью к церкви Святой Моники на Эджвар-роуд.

Holmes's eyes glittered.

Глаза Холмса загорелись.

«Quick, Watson, the game is afoot!»

«Быстро, Ватсон, дичь поднята!»

We followed in another cab, arriving just in time to see the couple enter the church.

Мы погнались за ними в другом кэбе и подоспели как раз вовремя, чтобы увидеть, как пара вошла в церковь.

A moment later the verger, bribed with half a sovereign, was delighted to find two respectable witnesses for a hurried wedding.

Ещё мгновение – и церковный служка, подмазанный полусовереном, обрадовался двум почтенным свидетелям для поспешной свадебной церемонии.

Within twenty minutes Irene Adler had become Irene Norton, and the newly married pair drove away laughing together like children.

Через двадцать минут Ирэн Адлер стала Ирэн Нортон, и новобрачные унеслись, смеясь, точно дети.

Holmes seemed strangely downcast as we walked back toward Baker Street.

Холмс по пути обратно на Бейкер-стрит выглядел непривычно подавленным.

He had expected a dangerous adventuress, not a woman in love.

Он ждал опасную авантюристку, а не влюблённую женщину.

Yet the photograph remained in her keeping, and the danger to the King was unchanged.

Однако фотография оставалась у неё, и угроза королю нисколько не уменьшилась.

That evening Holmes returned to Briony Lodge in yet another disguise: a kindly, simple-minded Nonconformist clergyman, black coat and wide-brimmed hat, his face pale with apparent illness.

Тем же вечером Холмс снова явился к Брайони-Лодж в новом облике: добродушный, простоватый неконформистский пастор в чёрном сюртуке и широкополой шляпе, с бледным, будто больным лицом.

I waited in the shadows with a dozen rough fellows from the nearby stables, paid to play their part in a little drama.

Я затаился в тени с дюжиной грубоватых парней из соседних конюшен, которым заплатили за участие в маленьком спектакле.

At the stroke of seven the door of Briony Lodge opened and Holmes appeared on the step, limping as though hurt.

Ровно в семь дверь Брайони-Лодж распахнулась, и на пороге возник Холмс, хромая, будто раненый.

A cry went up from the loafers: «Shame! Shame!»

Бездельники заголосили: «Позор! Позор!»

Someone shouted that the poor clergyman had been attacked.

Кто-то закричал, что бедного пастора избили.

In the confusion I hurled a smoke rocket through the window and raised the alarm: «Fire!»

В суматохе я швырнул в окно дымовую пашку и заорал: «Пожар!»

Instantly the quiet street became chaos.

Тихая улица мгновенно превратилась в хаос.

Windows flew up, servants rushed out, and in the centre of the crowd stood Irene Norton herself, pale but composed.

Окна распахнулись, слуги высыпали наружу, а в центре толпы стояла сама Ирэн Нортон – бледная, но спокойная.

Holmes, still in character, staggered forward as though seeking help.

Холмс, не выходя из роли, пошатываясь, двинулся к ней, будто ища защиты.

For one brief moment her eyes met his, and something (amusement, recognition, triumph) flashed across her beautiful face.

На одно короткое мгновение их взгляды встретились, и по её прекрасному лицу скользнуло что-то – то ли веселье, то ли узнавание, то ли торжество.

Then she was gone, back into the house, and Holmes knew, with the cold certainty of genius, exactly where she would run to protect her most precious possession.

Потом она исчезла в доме, и Холмс с холодной уверенностью гениального человека понял, куда именно она бросится спасать самое дорогое.

We forced our way inside with the pretended firemen.

Мы ворвались внутрь вместе с мнимыми пожарными.

In the drawing-room, behind a sliding panel above the bell-rope, lay a small recess.

В гостиной за сдвижной панелью над шнуром звонка обнаружилось маленькое углубление.

Holmes's fingers flew to it, but the hiding-place was empty save for a single photograph (not of the King and Irene together, but of Irene alone, in evening dress, radiant and serene).

Пальцы Холмса метнулись туда, но тайник был пуст, если не считать одной фотографии – не короля с Ирэн, а Ирэн одной, в вечернем платье, сияющей и безмятежной.

On the back, in her own handwriting, were the words: «To Sherlock Holmes, Esq. From Irene Adler.»

На обороте её почерком было написано: «Шерлоку Холмсу, эсквайру. Ирэн Адлер».

The King arrived the next morning, trembling with hope.

Наутро явился король, дрожа от надежды.

Holmes opened the recess and handed him the photograph of Irene alone.

Холмс открыл тайник и протянул ему снимок одной Ирэн.

The King stared, bewildered. «What does this mean?»

Король озадаченно уставился на фотографию. «Что это значит?»

«It means, Your Majesty,» said Holmes coolly, «that the lady has outwitted us all.»

«Это значит, Ваше Величество, – холодно ответил Холмс, – что дама переиграла нас всех».

She has left England forever, taking the dangerous photograph with her.

Она навсегда покинула Англию, увозя с собой опасную фотографию.

Last night, disguised as a young man (you may have noticed a slim youth in a dark ulster leaving the house), she bade me good-night in the street.

Вчера вечером, переодетая юношей (вы, возможно, заметили стройного молодого человека в тёмном пальто, выходявшего из дома), она пожелала мне спокойной ночи прямо на улице.

She knew me from the first, saw through every disguise, and chose to leave you this gentle reminder that she is free, and that her heart now belongs to her husband.

Она узнала меня с первого взгляда, раскусила все маски и предпочла оставить вам мягкое напоминание: она свободна, а её сердце теперь принадлежит мужу.

You are safe.

Вы в безопасности.

The King tried to press money upon Holmes, jewels, anything.

Король пытался всучить Холмсу деньги, драгоценности, что угодно.

Holmes asked only for the photograph of Irene Adler that now lay upon the table.

Холмс попросил только фотографию Ирэн Адлер, лежавшую на столе.

The King departed, half-relieved, half-ashamed.

Король ушёл – наполовину облегчённый, наполовину пристыженный.

When we were alone, Holmes stood for a long time gazing at the portrait.

Оставшись одни, Холмс долго стоял, глядя на портрет.

«She is indeed the woman,» he said softly. «I have been beaten, Watson, beaten by a woman's wit, and I am not ashamed to admit it. She is, of all women, the woman.»

«Она и вправду та самая женщина», – тихо произнёс он. «Я побеждён, Ватсон, побеждён женским умом, и мне не стыдно это признать. Из всех женщин она – Женщина».

And so the great Bohemian scandal ended, not with violence or disgrace, but with a quiet smile and a photograph that Sherlock Holmes kept ever after in a locked drawer, next to his pipe and his violin, the one trophy of the only case in which the hunter became the hunted, and the victor walked away laughing.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.